

ОЛЬГА ЮРЬЕВНА ЖУКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9527-7982; olgazhukovaveps@mail.ru

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, независимый исследователь (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

«ПОЛЗУЩИЕ-ШИПЯЩИЕ»: НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗМЕЯ» В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ (на основе диалектных и фольклорных материалов)

А н н о т а ц и я . В ареальном, этимологическом, семантическом, лингвогеографическом аспектах рассмотрены наименования понятия «змея» в диалектах вепсского языка и в вепсском фольклоре, прежде всего в наиболее древних формах заговоров от укуса змеи. Как свидетельствуют исследования, в прибалтийско-финском языковом ареале из-за плохого знания змей людьми одни и те же названия могут даже в одном населенном пункте обозначать разные виды змей или выступать в качестве их общего наименования, что подтверждается и данными вепсского языка. В диалектах вепсского языка в наименовании змеи сохранилось прибалтийско-финское (*mado*, *vaskič*) и даже уральское (*kii*) наследие, нашедшее место и в фольклоре в более древнем фонетическом воплощении лексемы *kii* (*kija*, *kihi*, *kihikeine*, *tihikiine*); в диалектах представлены заимствования из русского языка (*gad*), а также возникли собственно вепские лексические элементы (*ujeli*). Наименования понятия «змея» в вепсском фольклоре описательны, представлены формами существительных и причастий, определяя номинацией облик животного ('клубок, плохой клубок' – *kereine*, *tühj kereine*; 'полоска ивовой коры' – *pajusarg*; 'злоба' – *pahust' paha*; 'шипение и свист' – *šihaidajad-šaheidajad*, *šiherič-viherič* и т. д.). Сдвоенные наименования, употребляемые в фольклоре, характеризуются аллитерацией (*pahust' paha*, *kandoiden kabičii*). Возникновение описательных названий змеи в фольклоре может объясняться как табу на произношение имени опасного животного, так и особенностями языка фольклора.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прибалтийско-финские языки, вепсский язык, номинация, лексика, этимология, семантика, заговор, лингвофольклористика, этнолингвистика

Б л а г о д а р н о с т и . Авторы выражают искреннюю благодарность гл. инженеру по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой за помощь в технической подготовке лингвистических карт.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Жукова О. Ю., Зайцева Н. Г. «Ползущие-шипящие»: наименования понятия «змея» в вепсском языке (на основе диалектных и фольклорных материалов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1053

ВВЕДЕНИЕ

Образ змеи в культурных традициях народов, их верованиях, связь его с различными сказочными и иными сюжетами постоянно привлекают внимание этнологов и фольклористов. Этнографическая литература утверждает, что «змея – один из центральных и ключевых персонажей в системе народных представлений о животном мире» [3: 357]. Однако отражение мотивов

наименований в языке – это уже иная сторона проблемы, которая исследована на материале отдельных языков или их групп не так подробно.

Вепсскому народу, язык которого внесен в «Красную книгу языков народов России» еще в 1994 году [5: 21–22], определенно повезло относительно исследования «комплекса представлений о змее», поскольку имеется монография этнолога И. Ю. Винокуровой, посвященная жи-

вотным в традиционном мировоззрении вепсов, куда составной частью вошли и сведения о змеях [1: 263]. Языковедами также составлена карта по именованиям змей в «Лингвистическом атласе вепского языка»¹, где представлены наиболее употребительные лексемы, но карта не отражает всего вепского языкового материала, прежде всего фольклорного, а также не обладает полными комментариями, которые возможно предложить на современном этапе с использованием данных этно- и лингвофольклористики.

В представленной статье проанализированы наименования понятия «змея», а также приведены некоторые размышления по поводу их этимологии в диалектах вепского языка (рис. 1), впервые рассмотрены названия этого неоднозначного персонажа животного мира в вепском фольклоре, прежде всего в заговорах, определены характеристики змеи, ставшие основой ее номинации.

НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗМЕЯ» В ДИАЛЕКТАХ ВЕПСКОГО ЯЗЫКА

Наименования понятия «змея» были в свое время предметом исследований языковедов из Финляндии, Эстонии и России в «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков», куда составной частью вошли сведения по языку вепсов. Составители атласа пришли к выводу,

что в прибалтийско-финском языковом ареале «вследствие плохого знания змей людьми одни и те же названия могут даже в одном пункте обозначать разные виды змей или выступать в качестве их общего наименования»².

В диалектах вепского языка в качестве наименований змеи употребляется пять лексем, представленных на лингвистической карте (рис. 2): *kii*, *mado*, *vaskič*, *gad*, *ujelii*. Из этого списка выделяется своей семантикой лишь змея-медянка *vaskič*, суффиксально образованная еще в праприбалтийско-финские времена от лексемы *vaski* ‘медь’³. Именно данная цветовая гамма, связанная с оттенками меди, отразилась в наименовании медянки и в языке вепсов.

Лексема *kii* ‘змея’ – наиболее древняя. Этимологи предполагают ее исключительно древний – прауральский – возраст⁴. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков констатировал довольно редкую встречаемость данной лексемы во всем анализируемом ареале⁵. Так, в наиболее близких вепскому языку карельских наречиях, ливвиковском и людиковском, а также в говорах тверских карелов лексема совсем не отмечается⁶. Она представлена лишь на самом севере собственно карельского наречия⁷ с пометой «поэтическое», где, скорее всего, является финским заимствованием. В финском литературном

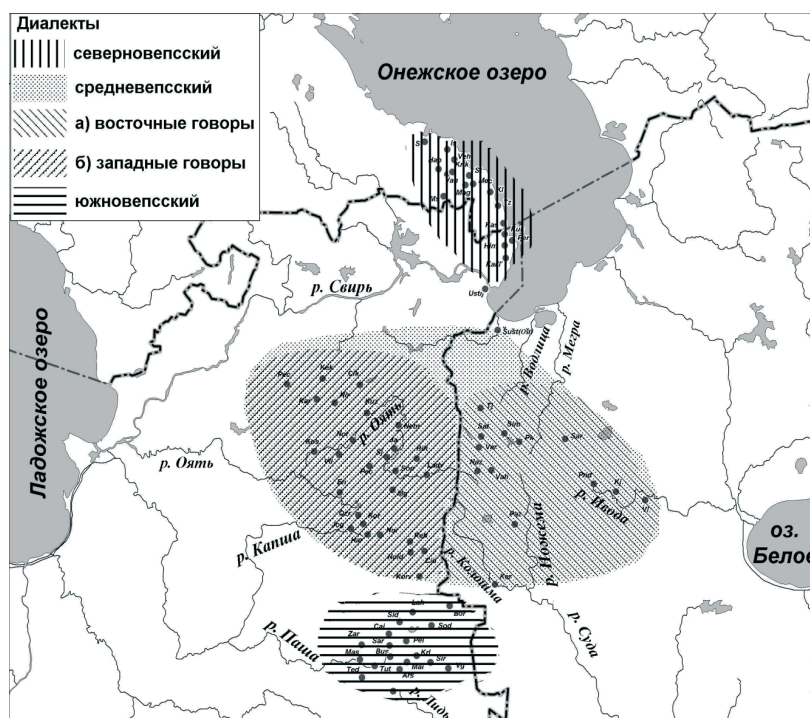

Рис. 1. Диалекты вепского языка. Источник: Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ) / Под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 9

Figure 1. Dialects of the Vepsian language. Source: Linguistic Atlas of the Vepsian Language (LAVYA). (N. G. Zaitseva, Ed.). St. Petersburg, 2019. P. 9

языке лексемой *kuu* называют дикую ядовитую змею (*Vipera berus*)⁸.

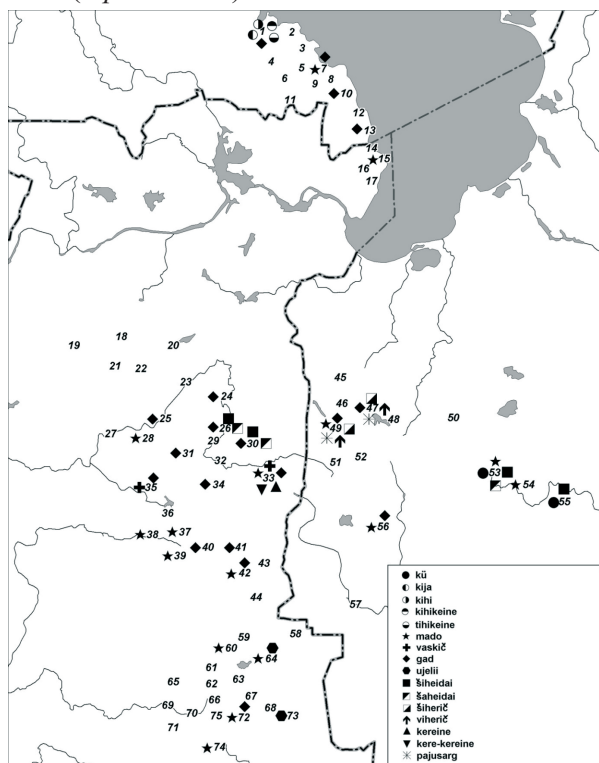

Рис. 2. Наименования понятия «змея» в диалектах вепского языка и в вепском фольклоре. Карта подготовлена главным специалистом по информационным технологиям ИЯЛИ КарНЦ РАН Н. Л. Шибановой

Figure 2. Names for the concept “snake” in the dialects of the Vepsian language and Vepsian folklore. The map was prepared by N. L. Shibanova, Chief Information Technology Engineer at the ILLH (KarRC RAS)

В диалектах вепского языка лексема *kü* также редка. Ее употребление отмечено лишь на самой восточной окраине средневепского ареала – в пункте Войлахта, где она и сейчас бытует в качестве единственного варианта названия понятия «змея», вопреки всем пометам в диалектных и этимологических словарях относительно ее фольклорного характера. Кроме того, из всех диалектных вариантов наименований змей в вепском фольклоре особыми рефлексими обладает именно лексема *kü*, о чем более подробно речь пойдет ниже.

В вепском языке довольно широко в значении ‘змея’ употребляется прибалтийско-финская лексема *mado*. Ее считают германским заимствованием⁹. В вепских диалектах лексема *mado* даже не имеет иных фонетических вариантов, объединяя язык в единое целое.

В южновепском ареале змею называют словом *ujelii*, которое является субстантивированным причастием презенса глагола *ujelda* ‘плавать; ползать’, то есть дословный перевод лексемы *ujelii* ‘плавающий; ползающий’. Дан-

ное наименование змей больше напоминает табу: змей всегда пугались и боялись называть, страшась именем накликать ее появление. Впоследствии наименование *ujelii* закрепилось за названным понятием, однако оно не продвинулось за пределы южновепского ареала в иные вепские говоры.

Кроме того, по наблюдениям И. Ю. Винокуровой, в языке вепских сказок змея, «как правило, фигурирует под двумя названиями: *gad* и *zmei*» [1: 175]. Полагаем, что наличие заимствованных лексем *gad* и *zmei* может отчасти свидетельствовать и о заимствовании вепсами некоторых сюжетов русских народных сказок со змеями.

МОТИВЫ НАИМЕНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗМЕЯ» В ВЕПССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

При анализе фольклорных наименований змей выяснилось, что они отличны от общевепских обыденных лексем. Как показал наш анализ, в вепском фольклоре, который, к сожалению, практически не исследован, наименований змей довольно много. Ранее они совсем не попадали в поле зрения лингвистов, в результате чего даже не представлены в достаточно богатом диалектном словаре М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен¹⁰. Авторы данной статьи попытались дополнить лингвистическую карту «Лингвистического атласа вепского языка»¹¹ по вепскоязычным наименованиям змей материалом, который им удалось найти в фольклорных источниках, образцах вепской речи, Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, личных коллекциях.

В вепской заговорной традиции среди произведений лечебно-магической направленности обнаружено значительное число заговоров от укусов змей – *mado* (*gadan*) *kokaiduses*. Это свидетельствует о наличии различных профилактических ритуалов по защите от змей в обрядовой практике вепсов [2: 266–267]. При укусе змеи обычно обращались за помощью к знающему человеку, который прибегал к магическим действиям с произнесением заговора, напр.:

*Must kü, hahk kü, kirg'au kü, vauged kü, vaskne kü, tundod, kus kodi, koivus kodi, aidakočkus elo, pahust paha, mäno maha...*¹² ‘Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, знаешь, где дом? На березе дом, в закулке житье. Злобное зло, уходи в землю...’ (здесь и далее перевод наш. – О. Ж., Н. З.)

Заговорные тексты от укуса змеи имеют иную структуру в отличие от других лечебных заговоров. В них выделяется обращение к источнику боли, угроза, изгнание болезни или требование забрать боль. Очевидно, эти тексты представляют более ранние формы традиции [4: 76].

По рассказам информантов, при характеристиках змей принимался во внимание прежде всего цвет, напр.:

*Must mado, rusked mado, kirjuu mado, pakuine mado, vaskič mado, kurdiž mado, minä sinun kodin tedan, sinun kodi korbes, pert' sinun penzhas*¹³. 'Черная змея, красная змея, пестрая змея, желтая змея, медная змея, глухая змея, я твой дом знаю: твой дом в чаще, дом твой в кустарнике'.

Рассказчики затруднялись ответить на вопрос, какого цвета змея наиболее опасна. Этнологи с осторожностью пишут, что «можно говорить о каких-то ценностных ориентациях вепсов в области цвета» [1: 154], хотя эти ориентации пока ими не выявлены, а в номинации, как показал наш анализ, цвет змей также не нашел своего отражения. Прием перечисления, так называемое нанизывание цветов, встречается в заговорах разных народов. Отмечается, что само перебирание названий цветов уже воспринималось как некое магическое воздействие. Представленные же в одном тексте цветочные эпитеты создают негативный подтекст [6: 36–37]. Существует мнение, что этим приемом «достигается некая упорядоченность и конечность, свойственные вообще культуре и противопоставляющие ее природе» [7: 123].

НАИМЕНОВАНИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1. Kii. Как уже было отмечено, редкая лексема *kii* 'змея', обладающая прауральскими корнями, в вепском языке наиболее древняя, в настоящее время она функционирует лишь в восточновепском говоре. Кроме того, в вепских заговорах она употреблена в фонетических вариантах, которые не встречаются в обыденной речи вепсов. В образцах северновепской речи первой половины XX века, записанных в с. Шокша, именно в заговорах отмечены экзотичные – раритетные – варианты лексемы *kii*: *kija* и *kih*¹⁴. Причем эти варианты, по мнению этимологов, даже более древние, нежели *kii*, близки к праформе, заимствованной из германских языков, в качестве которой этимологи предполагают вариант **kije* ~ **kijje*¹⁵. В вепских заговорах эти лексемы звучат, например, так:

Kija, kija, kijakaine, hahk kija, vouget kija, kird'av kija, must kija...¹⁶ 'Змея, змея, змейка, серая змея, белая змея, пестрая змея, черная змея...'

В с. Шокша представлен и другой, не менее своеобразный вариант слова – *kih* (*kihakeine* – Dim), где во втором слоге выступает согласный *-h*, в результате чего слово приобретает дополнительное дескриптивное звучание, напоминающее шипение змеи:

Kih, kihakeine, hahk kihakeine, vouget kihakeine, kird'av kihakeine, must kihakeine...¹⁷ 'Змея, змейка, серая змейка, белая змейка, пестрая змейка, черная змейка...'

В статье финского лингвиста А. Турунена из этого же северновепского с. Шокша представлен еще один фонетический вариант данной лексемы – *tihikiine*:

Tii, tii, tihikiine, vouged tihikiine, must tihikiine, kird'av tihikiine!¹⁸ 'Ти, ти, змейка, белая змейка, черная змейка, пестрая змейка!'

Возможно, в этом случае в фонетическом варианте *tihikiine* сказались влияние сдвоенного междометия *ti-ti*, которое стоит перед лексемой – названием змеи, что вызвало переход (аллитерацию) *k > t*.

2. Kera (dim.: keraine, kereine). Змею в заговорах именуют также диминутивной формой лексемы *ker* 'клубок' → *keraine, kereine* '(Dim) клубочек':

*Tühj kereine, kere-kereine*¹⁹ 'Плохой клубочек, клубочек...'

В принципе, в данном случае образ и мотив наименования змеи прозрачны, поскольку последние свиваются в клубок. Здесь существенную нагрузку при определении образа змеи несет на себе прилагательное *tühj* 'плохой; пустой, порожний', которое часто в этом случае употребляется рядом с существительным *keraine*: *tühj keraine* 'плохой клубочек'. В русских говорах Пермского края клубком называют ежа²⁰, что вполне объяснимо. Однако вряд ли вепское наименование змеи *keraine* является калькой с русского языка; полагаем, что данный мотив, легший в основу наименования змеи, прозрачен и возник в языке вепсов самостоятельно.

3. Pajusarg. В говорах восточных вепсов змею в заговорах могут называть сложным существительным *paju / sarg* 'полоска, продолговатый кусок ивовой коры':

Šiherič-viherič, eidaluine pajusarg...²¹ 'Шипящая-свистящая, подзаборная полоска ивовой коры...'

Ивовую кору заготавливали, сдирая и сматывая в мотки, а затем использовали для дубления кожи. Тонкие серые полоски, напоминающие змею, и легли в основу данного образа. В приведенном отрывке заговора образ конкретизирован еще и тем, что в нем указано место обитания змеи – под забором ('подзаборная полоска'), что и придает в этом случае эмоционально отрицательное отношение к змее.

4. Pahust' paha. Поскольку змея приносит зло своими укусами, то и это послужило мотивом наименования змеи: *pahust' paha* 'злбное злое; злбное зло' в следующем отрывке заговора:

...pahust' paha, mäno maha...²² '...злбное злое (злбное зло), уходи в землю...'

5. Šiherič-viherič. Двойное название змеи *šiherič-viherič* образовано от глаголов *šihaita* 'шипеть' и *viherta* (< *vihel'ta*) 'свистеть':

*Šiherič-viherič, eidaluine pajusarg...*²³ ‘Шипящая-свистящая, подзаборная полоска ивовой коры...’

Глагол *šihaita* является дескриптивным, или как его еще называют в этимологическом словаре – оноματοпоэтическим, входящим в прибалтийско-финский древний лексический фонд во многих фонетических вариантах (см. *sihistä, sähistä, pihistä* ‘шипеть’²⁴). Глагол *vihel'ta* ‘свистеть’, давший начало названию *viherič*, этимологи также называют оноματοпоэтическим, но не дескриптивным. Данный глагол является более редким, обладающим восточно-прибалтийско-финскими корнями (финский, карельский, вепсский), который связан с другим глаголом *vihistä* ‘шипеть’, что также близко к тематике по змеям²⁵.

Отметим, что в названных вариантах наименования змеи выявляется суффикс *-ič*, который довольно продуктивен в языке вепсов, придавая новому слову сходство с тем, что обозначено коренным словом. Однако суффикс *-ič* является отыменным, образующим новые слова от имен прилагательных (*kover* ‘кривой’ – *koverič* ‘горбун’) или от имен существительных (*priha* ‘парень’, *prihač* ‘парнище’). В названии же змеи *šiherič-viherič* употребление суффикса *-(i)č* необычно, поскольку он осуществляет образование нового слова от глагола, тем не менее это оказалось возможным, даже необыкновенно колоритным и вполне понятным, поскольку новое слово семантически тесно связано со старой основой, характеризующей змею. Возникшее новое слово для наименования змеи в этом случае даже нарушило правила словообразования в угоду аллитерации, которой вепсы искусно владели.

НАИМЕНОВАНИЯ-ПРИЧАСТИЯ

В качестве наименования понятия «змея» в фольклоре используются также причастия, которые особым образом характеризуют природу змеи, дают ей определенные дополнительные характеристики. Это причастия презенса, образованные прежде всего именно от дескриптивных глаголов со значением ‘шипеть’, ‘шуршать’, ‘скоблить’ (*šiheita* ‘шипеть’ → *šiheidai* ‘шипящий’; *šaheita* ‘шуршать’ → *šaheidai* ‘шуршащий’, *kabita* ‘скоблить, скрести’ → *kabičii* ‘скребущий’):

*Šiheidajad-šaheidajad, tedan minä tiiden kodin...*²⁶ ‘Шипящие-шуршащие, знаю я ваш дом...’

*Kandoiden kabičii, onziden onduste*²⁷ ‘Пни скребущая, дупла разоряющая’.

Дескриптивные глаголы, приведенные в данных примерах, также обладают праприбалтийско-финским происхождением *sihistä*²⁸. Наименования змеи, образованные от названных глаголов, в этом случае характеризуют ее

как злобное, шипящее и шуршащее существо. Отметим, что причастие *onduste*, употребленное в последнем примере, сложно объяснить, поскольку подобного глагола, который послужил бы основой для причастия, в вепсских диалектах не существует. В языке имеется существительное *onduz ~ onz* ‘дупло’, и, очевидно, для аллитерации образована форма причастия презенса *onduste* от несуществующего глагола, которая из контекста тем не менее ясна по своему содержанию, она создает дополнительную яркую характеристику змеи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при анализе материала были выявлены наименования понятия «змея» в обыденной диалектной речи вепсов, а также в фольклоре, прежде всего в заговорах. Анализ источников свидетельствует, что в обыденной речи одни и те же названия змей вследствие плохого знания их людьми могут даже в одном населенном пункте обозначать разные виды змей, а также выступать в качестве их общего наименования.

В диалектах вепсского языка в качестве названия змеи употребительны пять лексем: *kü, mado, vaskič, ujelii, gad*. Лексема *gad* является общевепским заимствованием из русского языка. Заимствованная также из русского языка лексема *zmei* встречается в речи вепсов, однако при целенаправленном опросе выявилось, что она недостаточно освоена вепсским языком в обыденной речи и чаще всего употребляется в текстах сказок, где ее наличие может быть обосновано заимствованным сюжетом сказок. Все иные названия змей являются прибалтийско-финским наследием, за исключением лексемы *ujelii* ‘ползающая’, которая функционирует только в южно-вепсском диалекте. Наиболее древнее название змеи – *kü* принадлежит уральскому пласту лексики. В языке вепсов оно отмечается как в диалектной речи, так и в языке заговоров, но в заговорах, как показал наш анализ, у нее существуют собственные фонетические и словообразовательные варианты (*kihi, kijakeine, tijakeine* т. д.), которые являются более древними. Очевидно, заговоры, где в качестве персонажа выступают змеи, – довольно древние в языковом отношении, что послужило сохранению подобного варианта наименования змеи.

В целом же наименования понятия «змея» в заговорах совершенно иные. Они могут быть суффиксально образованными существительными (*kereine, tühj kerein, pajusarg, pahust' paha*) и причастиями, описывающими шипение и свист (*šiheidajad-šaheidajad, šiherič-viherič*), царапание и разорение (*kandoiden kabičii, onziden*

onduste), которые ярко характеризуют природу змеи. При номинации употребительны также сведенные лексемы, объединенные созвучием или аллитерацией. Данное явление свойственно поэтике фольклорной традиции как родственных прибалтийско-финских народов, так и вепсов, что связывают прежде всего с устойчивым ударением на первом слоге в данных языках [8: 19]: *pahust' paha* 'злобное зло', *kandoiden kabičii* 'пни

скребущая'; *paha pajusarg* 'злая полоска ивовой коры' и т. д.

Возникновение описательных названий змей в фольклоре (прежде всего в заговорах) связано со стремлением не называть змею ее прямым именем. В языке был некий запрет, табу на произношение ее имени. Но вполне возможно, что этот факт является также и ярким примером особенностей фольклорной речи вепсов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Вепские говоры населенных пунктов, упоминаемых в статье, и их расположение на лингвистической карте (рис. 2):

- 1 – Шокша (Šokš-Š), северновепский диалект
- 30 – Подовинники-Азмозеро (Rihaluine-Rih), средневепский диалект
- 33 – Ладва (Ladv-L), средневепский диалект
- 47 – Шимозеро (Šimgär'-Šim), средневепский диалект
- 49 – Кривозеро (Värasjärvi-Vär), средневепский диалект
- 53 – Пондала (Pondal-Pnd), средневепский диалект
- 55 – Войлахта (Voilaht-VI), средневепский диалект

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ) / Под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 206.
- ² Atlas Linguarum Fennicarum. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. S. 149.
- ³ Там же. S. 149.
- ⁴ Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Unter Mitarbeit von M. Bakró-Nagy, S. Gsúcs, I. Erdélyi, L. Honti, É. Korenchy, E. Sal, E. Veres. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. Vol. I–III. P. 154; Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. S. 467.
- ⁵ Atlas Linguarum Fennicarum... S. 139–149.
- ⁶ Макаров Г. Н. Словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.; Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 378 с.; Luydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut J. Kujola. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1944. 543 s.
- ⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1974. S. 540.
- ⁸ Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WSOY, 2007. S. 536.
- ⁹ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. S. 154.
- ¹⁰ Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.
- ¹¹ Лингвистический атлас вепского языка (ЛАВЯ)... С. 201, 206.
- ¹² Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепской речи. Л.: Наука, 1969. С. 121.
- ¹³ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 2660, № 8, 1981; Ладва, западнонепские говоры.
- ¹⁴ Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1982. S. 34.
- ¹⁵ Uralisches etymologisches Wörterbuch... S. 154.
- ¹⁶ Äänisvepsän näytteitä... S. 34.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Turunen A. Über die Volksdichtung und Mythologie der Wepsen // Studia Fennica. № 6. Helsinki, 1956. S. 192.
- ¹⁹ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 2660, № 8, 1981; Ладва, западнонепские говоры.
- ²⁰ Словарь русских народных говоров. Л.; СПб.: Наука, 1977. С. 311.
- ²¹ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²² Образцы вепской речи... С. 121.
- ²³ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. S. 174.
- ²⁵ Там же. S. 437.
- ²⁶ ПМА Жуковой О. Ю., 1999; Азмозеро, западнонепские говоры.
- ²⁷ Фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Кассета 1302, № 8, 1970; Кривозеро, Шимозеро, восточнонепские говоры.
- ²⁸ Suomen sanojen alkuperä... S. 174.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
2. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
3. Гурова А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.

4. Жукова О. Ю. Лексические и структурно-стилистические особенности вепских заговорных текстов от укуса змеи // *Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово»* (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 76–78.
5. Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia, 1994. 117 с.
6. Панина Т. И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2013. № 3. С. 34–49.
7. Раденкович Л. Символика цвета в славянских заговорах // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. М.: Наука, 1989. С. 122–149.
8. Staršova T. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylikerikoisuksista. Petroskoi: Petroskoin valtionyliopisto, 1997. 51 p.

Поступила в редакцию 22.02.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Olga Yu. Zhukova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-9527-7982; olgazhukovaveps@mail.ru

Nina G. Zaitseva, Dr. Sc. (Philology), Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-8335-2137; zng@ro.ru

“CRAWLING-HISSING”: NAMES FOR THE CONCEPT “SNAKE” IN THE VEPSIAN LANGUAGE (a study of dialect and folklore materials)

Abstract. The article investigates the areal, etymological, semantic, and linguo-geographical aspects of the names for the concept “snake” in the dialects of the Vepsian language and in the Vepsian folklore, primarily in its most ancient genre – incantations against snakebites. According to the studies, in the Baltic-Finnic language area, due to poor knowledge of snakes by people, the same names can be used for different types of snakes in one populated place or act as their generic name, which is also confirmed by the materials of the Vepsian language. The dialects of the Vepsian language have preserved some Baltic-Finnic heritage (*mado*, *vaskič*) and even some Uralic heritage (*kü*) in the words used to denote a snake, which was reflected in folklore as a more ancient phonetic embodiment of the lexeme *kü* (*kija*, *kihi*, *kihikeine*, *tihikiine*); borrowings from the Russian language (*gad*) are present in the dialects, and original Vepsian lexical elements (*ujelii*) also appeared. The names for the concept “snake” in Vepsian folklore are descriptive, represented by nouns and participles, and define the appearance of the animal by nomination (‘ball, bad ball’ – *kereine*, *tühj kereine*; ‘stripe of willow bark’ – *pajusarg*; ‘malice’ – *pahust’ paha*; ‘hissing and whistling’ – *šiheidajad-šaheidajad*, *šihierič-vihierič*, etc.). The dual names used in folklore are characterized by alliteration (*pahust’ paha*, *kandoiden kabičii*). The emergence of descriptive names for the figure of a snake in folklore can be explained both by the taboo on the pronunciation of the name of this dangerous animal, and by the peculiarities of the folklore language.

Key words: Baltic-Finnic languages, Vepsian language, nomination, vocabulary, etymology, semantics, incantation, linguo-folkloristics, ethnolinguistics

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to N. L. Shibanova, Chief Information Technology Engineer at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, for her assistance in the technical preparation of linguistic maps.

For citation: [Zhukova, O. Yu.], Zaitseva, N. G. “Crawling-hissing”: names for the concept “snake” in the Vepsian language (a study of dialect and folklore materials). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1053

REFERENCES

1. Vinokurova, I. Yu. Animals in the traditional Vepsian worldview (an attempt of reconstruction). Petrozavodsk, 2006. 447 p. (In Russ.)
2. Vinokurova, I. Yu. Mythology of the Vepsians: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Gura, A. V. Symbolism of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 910 p. (In Russ.)
4. Zhukova, O. Yu. Lexical and structural-stylistic features of Vepsian spells against snakebites. *Proceedings of the all-Russian research conference with international participation “Bubrikh Readings: Documented Folk Word”* (Petrozavodsk, 27–28 October 2020). Petrozavodsk, 2020. P. 76–78. (In Russ.)
5. Red book of languages of the peoples of Russia: Encyclopedic reference dictionary. Moscow, 1994. 117 p. (In Russ.)
6. Panina, T. I. Color symbolism in Udmurt folk medicine. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2013;3:34–49. (In Russ.)
7. Radenkovich, L. Symbolism of color in Slavic spells. *Slavic and Balkan folklore. Reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: sources and methods*. Moscow, 1989. P. 122–149. (In Russ.)
8. Staršova, T. Kalevala-eepoksen kieli- ja tyylikerikoisuksista. Petroskoi, 1997. 51 p.

Received: 22 February 2024; accepted: 15 May 2024